

АРХЕОЛОГИЯ

DOI:10.24411/2618-6772-2018-13008

Атаев Гамзат Дибирович,
к.и.н., старший научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, Россия
ataevgd@mail.ru

Ахундов Туфан Исаак оглу,
д.и.н., ведущий научный сотрудник
Института археологии и этнографии
Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджан
I_Akhundov@rambler.ru

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ НАСЕЛЕНИЯ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА СО СТЕПНЫМИ ПЛЕМЕНАМИ
В КОНЦЕ ЭПОХИ РАННЕЙ
И В ЭПОХУ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ**

Аннотация. В данной статье рассматриваются малоизученные аспекты контактов населения Северо-Восточного Кавказа и степных племен в конце эпохи ранней и в эпоху средней бронзы. Исследование базируется на материалах археологических исследований, проведенных на данной территории за последние 50 лет.

В работе использовались общенаучные методы (анализ, синтез, индукция), а также сравнительно-исторический и типологический методы, применяемые в археологических исследованиях. Проанализированы и сопоставлены материалы археологических раскопок из памятников рассматриваемого времени различных физико-географических районов Дагестана и Чечни, а также мнения ряда исследователей. Это позволило по-новому подойти к раскрытию многих аспектов, связанных с исследованием данной проблематики.

В результате исследования материалов археологических памятников в рассматриваемый период, можно констатировать, что на рубеже эпох ранней и средней бронзы в материальной и духовной культуре населения Северо-Восточного Кавказа происходят сдвиги и изменения кардинального характера. Внутри раннебронзовой культуры Дагестана происходили процессы, связанные с вызреванием многих элементов последующих культур эпохи средней бронзы. Новые культуры эпохи средней бронзы имеют черты преемственности от предшествующей культуры, но уже обладают яркими и самобытными признаками других культурных традиций. Вначале эпохи средней бронзы Северный и Средний Дагестан подверглись интенсивному влиянию степных культур, что видоизменило его культуру, в то время как в Южном Дагестане трансформация культуры произошла несколько позднее.

В результате проведенного исследования, стало возможным изучить сложный характер и динамику культурно-исторических взаимоотношений местного, автохтонного и степного населения, определить роль степных племен в формировании культуры эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа.

Ключевые слова: Северо-Восточный Кавказ; Дагестан; Азербайджан; куро-араксская, майкопская, ямная, катакомбная культурно-исторические общности, присулакская культура; курганы; степные племена.

**ETHNOCULTURAL CONTACTS OF THE NORTHEAST CAUCASUS
POPULATION WITH STEPPE TRIBES AT THE END OF THE EARLY
AND MIDDLE BRONZE AGE**

Gamzat D. Ataev,
Ph.D. (in History), Senior Researcher,
The Institute of History, Archaeology and Ethnography of the
Daghestan Scientific Centre of RAS, Makhachkala, Russia
ataevgd@mail.ru

Tufan I. Ahundov,
D.Sc. (in History), Leading Researcher,
Institute of Archaeology and Ethnography of the
Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan
I_Akhundov@rambler.ru

Abstract. The article examines little-studied aspects of contacts between the population of the Northeast Caucasus and the steppe tribes in the end of the early and middle Bronze Age. The study is based on the material of archaeological researches, conducted in this area over the past 50 years.

The work uses general scientific methods (analysis, synthesis, induction), as well as comparative historical and typological methods of an archaeological research. The materials of archaeological excavations from the monuments of the considered time of various physical and geographical regions of Daghestan and Chechnya are analyzed and compared, as well as the opinions of a number of researchers. This allows a new approach to the disclosure of many aspects related to the study of the issue.

As a result of studying the materials of archaeological monuments during the reviewed period, it can be stated that at the turn of the ages of the Early and Middle Bronze, the material and spiritual culture of the population of the North-Eastern Caucasus was undergoing cardinal shifts and changes. Inside the early bronze culture of Daghestan there were processes associated with the maturation of many elements of subsequent cultures of the Middle Bronze Age. New cultures of this age have features of continuity from the previous culture, but already possesses vivid and distinctive features of other cultural traditions. At the beginning of the Middle Bronze Age, Northern and Middle Daghestan were intensively influenced by steppe crops, which then changed its culture, while Southern Daghestan transformed culture somewhat later.

As a result of the research, it became possible to study the complex nature and dynamics of cultural-historical relations between local, autochthonous and steppe population, to determine the role of steppe tribes in the formation of the culture of the Middle Bronze Age of the Northeast Caucasus.

Keywords: Northeast Daghestan; Daghestan; Azerbaijan; Kura-Araxes culture; Maykop culture; Yamna culture; Catacomb culture; Pre-Sulak culture; mounds; steppe tribes.

Восточный Кавказ, начиная с эпохи неолита и вплоть до позднего средневековья, был областью активных контактов оседло-земледельческого населения Кавказа и Передней Азии и подвижных кочевых племен каспийско-черноморских степей. В эпоху энеолита и в начале эпохи ранней бронзы эти связи носили в основном мирный характер, преобладали обычные культурные контакты. Это зафиксировано распространением кавказского металла и других вещей в степных областях, и, наоборот, проникновением отдельных изделий и погребальных комплексов древнеямной культурно-исторической общности [1, с. 40–42; 2, С. 239]. Резко меняется картина в конце эпохи ранней бронзы, когда отмечены вторжения древнеямных племен в различные районы: Балканы, Северное Причерноморье, Северный Кавказ [3, с. 58].

Исследование проблемы преемственности и трансформации в развитии культур эпохи ранней и средней бронзы Северо-Восточного Кавказа имеет большое значение для выяснения исторических судеб археологических культур Кавказа эпохи ранней бронзы и формирования здесь на их основе новых образований эпохи средней бронзы. С другой стороны, изучение памятников рубежа эпох ранней и средней бронзы Северо-Восточного Кавказа позволяет исследовать проблемы так называемых комплексных обществ Евразии, выявить общие закономерности и многообразие конкретно-исторических путей развития оседло-земледельческих и степных подвижно-скотоводческих племен в рассматриваемое время.

Установлено, что в конце эпохи ранней и в начале эпохи средней бронзы на территории Северо-Восточного Кавказа происходили активные культурно-исторические взаимодействия

местного населения с племенами степей Юго-Восточной Европы. Здесь констатируются не просто опосредованные культурные контакты, а прямое проникновение степных племен, после которого последовало значительное изменение облика местной культуры.

В начале эти контакты и прямые проникновения степных племен происходили в северной степной и предгорной зоне, в силу того, что здесь на их пути отсутствовали естественные труднопроходимые преграды. Степные племена могли проникать со стороны Волго-Донского междуречья через ногайские степи на территорию Чечни и Дагестана. Преодолев реку Терек, и в особенности Сулак, эти естественные границы, отделяющие равнинные районы – ногайские и кумыкские степи от горных районов Чечни и собственно Дагестана с его предгорьями и нагорьями, носители древних степных культур могли проникнуть к Каспию и по Дербентскому проходу продвинуться в южные пределы на территорию Азербайджана.

Наиболее ранние курганы в Дагестане – курганы Шах-Насиб-тапа и Катарагач-тапа, раскопанные А.А. Русовым в конце XIX в. и относящиеся к эпохе ранней бронзы. В кургане Шах-Насиб-тапа было выявлено погребальное сооружение в форме круга диаметром около 2,5 м, образованного большими камнями, поставленными вертикально [4, с. 545–548, 569–571]. К концу эпохи ранней бронзы в Присулакском районе уже известны комплексы майкопской культуры (Большой миатлинский курган, раннее захоронение в кургане 2, группы III Миатлинского курганного могильника [5, с. 15]. В центральном погребении кургана Торпах-кала В.М. Котович были открыты два захоронения с двумя сосудами, относящимися к майкопской культуре [6, с. 59–80]. Комплексы майкопской культуры выявлены В.М. Котович и в культовой оградке Мискинбулакского могильника [7, с. 94–96; 8, с. 18–19]. Такие же комплексы в форме культовых оградок с керамикой майкопской культуры выявлены и Р.Г. Магомедовым на Великентском могильнике [9, с. 34–35; 5, с. 43–45; 8, с. 13–38]. Это свидетельствует о том, что на позднем этапе развития майкопской культуры происходит продвижение части её племен на юго-восток, вплоть до Дербента и далее на территорию Азербайджана.

Первые следы проникновения северокавказских и степных племен в самом начале эпохи средней бронзы засвидетельствованы подкурганными захоронениями у сел. Ачикулак, Кяхулай и у г. Хасавюрт [10, с. 46–48]. В дальнейшем многочисленные курганные группы обнаружены в бассейне среднего Сулака в Северном Дагестане, у станицы Мекенской и у сел. Бамут в Чечне.

На Северо-Восточном Кавказе затухают раннебронзовые культуры, вместо них складываются новые культуры эпохи средней бронзы. Так, на территории Ингушетии и западной Чечни в эпоху ранней бронзы бытовали памятники майкопско-новосвободненской общности, а на Востоке Чечни и в Дагестане были распространены памятники куро-араксской культурно-исторической общности. Отмеченные территории являются зоной стыка указанных двух культур, где они пришли в активное взаимодействие друг с другом. Если раньше считалось, что памятники майкопской культуры были распространены до территории Чечни включительно, то сейчас комплексы майкопской культуры выявлены как в приграничных районах Дагестана с Чечней, так и на территории равнинно-предгорной зоны Приморского Дагестана вплоть до г. Дербента. В этом плане особый интерес представляют памятники предгорной и горной зоны эпохи ранней бронзы Чечни и Дагестана. В Восточной части Чечни исследованы Серженюртовские поселения, относящиеся к куро-араксской культурно-исторической общности, в западной части Бамутский курганный могильник, относящийся к майкопско-новосвободненской общности. В горной части Ингушетии на Луговом поселении открыты синкретические (майкопско-куро-аракские) комплексы [11, с. 286–307]. Следует отметить, что в горных районах западной Чечни, Ингушетии и Осетии встречаются комплексы куро-араксской культуры, а в предгорных районах распространены памятники майкопской культуры. Отмеченные территории являются зоной стыка указанных двух культур, где они пришли в активное взаимодействие друг с другом [12, с. 30].

С другой стороны, интерес представляют и памятники равнинной части Чечни – Мекенские курганы, где наряду с майкопскими комплексами открыты комплексы древнеямной и катакомбной культур, которые указывают на активные взаимосвязи этих культур и проникновение носителей последних на данную территорию [1, с. 40–42]. В западной Чечне, в предгорной зоне, в Бамутском могильнике выявлены комплексы майкопско-новосвободненской общности эпохи ранней бронзы и северокавказской общности эпохи средней бронзы, а также несколько погребений катакомбной культуры [13, с. 92–96] и посткуро-аракские комплексы,

свидетельствующие о связях с беденской культурой Южного Кавказа [13, с. 92–96; 14, с. 27–39].

В результате исследований, проведенных в Чечне С.Б. Бурковым на правом берегу р. Сунжа у сел. Ахчой-Мартан в 1988–1992 гг., был обнаружен новый и значительный материал, который свидетельствует о взаимосвязях местного населения и степных племен. Материалы эпохи бронзы из курганов у сел. Ахчой-Мартан дают новую и ценную информацию для изучения бронзового века Северного Кавказа. Данные погребения отражают тенденцию взаимопроникновения элементов катакомбной культуры и закавказских керамических импортов в среду ранних катакомбников предкавказского ареала. Следует подчеркнуть, что здесь впервые выявлены комплексы древнеямной культуры.

Изучение подкурганых древностей региона и их интерпретация позволяет выявить сложную картину взаимовлияний различных культур. Появление посткуро-аракских, позднемаякопских и среднемаякопских, сачхерских, беденских, позднемаячных элементов и групп населения, по мнению С.Б. Буркова, «характерно для конца эпохи ранней и начала эпохи средней бронзы. Благодаря исследованию значительных по масштабу и количеству курганов достоверно устанавливается активное присутствие катакомбного элемента с компонентами погребальных традиций ямной к.и.о., а также других культурных элементов для конца эпохи ранней и начала эпохи средней бронзы, которые в значительной степени повлияли на материальную культуру северокавказских плоскостных и в меньшей степени различных этнокультурных образований в горных районах» [15, с.64]. В результате исследования памятников эпохи бронзы установлено, что в конце эпохи ранней бронзы и в начале эпохи средней бронзы (начиная с конца первой половины III – начала II тыс. до н.э.) в культурно-историческом развитии Кавказа, и в частности Восточного Кавказа, произошли кардинальные изменения и сдвиги качественного характера. Стабильное поступательное развитие местного общества, происходившее на протяжении свыше трех тысячелетий (неолит, энеолит, ранний бронзовый век), было прервано. По мнению М.Г. Гаджиева одним из ярких показателей культурно-исторических процессов, происходивших на территории Дагестана и всего Северо-Восточного Кавказа, следует считать «закат высокоразвитой раннебронзовой куро-араксской культуры и последовавший за этим распад прежнего культурного единства региона. На Северо-Восточном Кавказе сложился ряд новых археологических культур среднебронзового века (гинчинская, великентская, присулакская), и он превратился в весьма пестрый в этнокультурном отношении регион. Эта пестрота сохраняется здесь и в эпоху поздней бронзы, о чем свидетельствует наличие целого ряда локальных вариантов на территории распространения каякентско-хорочоевской культуры Дагестана и Чечни» [2, с. 236–239].

К сожалению для памятников Дагестана рассматриваемого времени имеется очень мало радиоуглеродных дат. Они имеются только для Великентского комплекса памятников эпохи ранней и средней бронзы. Данные датировки, полученные в результате крупных раскопок дагестано-американской экспедиции, дали в руки исследователей около двадцати дат, которые «могут послужить опорой для создания единой хронологической шкалы памятников эпохи бронзы Дагестана и Северо-Восточного Кавказа» [46, с. 49–50]. В этом отношении большой интерес представляют радиоуглеродные датировки, полученные по великентским образцам проб из верхних слоев Великентского поселения I эпохи средней бронзы, синхронные материалам поздних катакомб, 1) (AA-15103) 3900±65 л.н. (с калибровкой: 1 сигма – 2865–2505 гг. до н.э., 2 сигма – 2576–2200 гг. до н.э.); 2) (AA-21283) 2578–1923 BC (с калибровкой, 2 сигма); 3) (AA – 21286) 2335–1870 BC (с калибровкой, 2 сигма) [46, с. 50]. По костным материалам из могильника I, катакомбы 11, близкой по инвентарю катакомбам №№ 1 и 3, получена также дата, близкая по времени: (AA-27353) 3980± л.н. (с калибровкой: 1 сигма – 2577–2463 гг. до н.э.; 2 сигма – 2851–2367 гг. до н.э.) [46, с. 50].

Для памятников конца эпохи средней бронзы имеется радиоуглеродная дата для кафыркумхской гробницы –1740±60 гг. до н.э. Это единственная дата для памятников переходного типа от культур раннего этапа средней бронзы к каякентско-хорочоевской. Большое значение имеет тот факт, что приведенная дата позднего слоя Великентского поселения I еще более надежно свидетельствует о верхнем хронологическом отрезке бытования памятников типа великентских поздних катакомб на территории Приморского Дагестана. С другой стороны, с этой датой стыкуется кафыркумхская радиоуглеродная дата, которая документирует нижний хронологический предел памятников переходного типа. Поэтому нам представляет-

ся, что, начиная с XIX–XVIII вв. до н.э., в недрах культур раннего этапа средней бронзы начинают вызревать элементы новой КХК.

Следует отметить, что собственно для памятников каякентско-хорочоевской культуры имеется одна единственная радиоуглеродная дата для верхнего (первого) слоя Верхнегунибского поселения – 1250 ± 50 (ЛЕ – лаборатория археологической технологии Института ИМК РАН), который хронологически соответствует позднему этапу КХК [18, с. 12]. Вышеприведенная дата может документировать верхний предел памятников типа могильников Гинчи–Ирганай.

В эпоху средней бронзы на Северо-Восточном Кавказе, на территории Западной Чечни и Ингушетии, появляются памятники, относящиеся к северокавказской культурно-исторической общности [10, с. 49–135], а на территории Дагестана распространяются памятники гинчинско-гатынкалинской, присулакской, великентской культур, гентальской, манасской и утамышской групп памятников, которые также имели тесные контакты со степными племенами [16, с. 167–203.; 17, с. 50–51; 18, с. 15; 2, с. 236–238; 19, с. 43–61.; 20, с. 154–156; 21].

Новые археологические образования эпохи средней бронзы (гинчинско-гатынкалинская, присулакская, великентская культуры, манасская, утамышская, гентальская и др. группы памятников) характеризуются совершенно иными традициями и направлениями культурных связей и сохраняют лишь частично преемственную связь по отношению к предшествующей раннебронзовой культуре. Изменения в культурной ориентации выразились в том, что южные области Дагестана сохранили в большей степени преемственность в развитии культуры и традиционные связи с Закавказьем, тогда как северные все более теснее связываются со степными областями Юго-Восточной Европы и более северными и западными по сравнению с Дагестаном и районами Северного Кавказа [18, с. 14–17; 22, с. 70–71].

Выше отмечалось, что культурная трансформация первоначально произошла более радикально на севере региона, а позднее и на юге. Она сопровождалась, по мнению М.Г. Гаджиева, снижением темпов его экономического и культурного развития, упадком ремесел. В обществе отчетливо наметились признаки застоя, регресса. Для объяснения причин этого феномена прерванной цивилизации М.Г. Гаджиев указывает на ряд причин: 1) ограниченность природных ресурсов горной зоны для реализации потенциальных возможностей раннеземледельческих культур в условиях ограниченной технической базы; 2) продолжающееся иссушение климата Каспийского региона в III – начале II тыс. до н.э. в период избербашской регрессии; 3) активизация преимущественно скотоводческих групп в степной зоне и их воздействие на оседло-земледельческую северокавказскую среду [2, с. 238–239; 22, с. 71].

Подобными причинами объясняет Р.Г. Магомедов изменения и кризисные явления, происходившие в период заката куро-аракской культуры. Он только называет по-другому одну из причин: «наступление конца природного оптимума и дальнейшая аридизация климата» и добавляет о коренном изменении векторов и масштабы связей внутри Циркумпонтийской зоны [23, с. 106].

Обстоятельно рассматривает климатические изменения Аравийского полуострова, Месопотамии и Кавказа Ш.Н. Амиров, в связи с изучением месопотамско-кавказских связей в IV–III тыс. до н.э. в свете климатических флуктуаций [24, с. 13–15]. Он указывает, что в период избербашской регрессии (3300–1800 гг. до н.э.) отмечено опускание уровня Каспийского моря. «После 3000 г. до н.э. в период одной из стадий Изербашской регрессии уровень моря опустился до отметок -39-42,5 м абс. С нач. II тыс. до н.э. отмечен цикл повышения уровня Каспийского моря, названный туралинской трансгрессией. Ее пик, когда уровень моря находился на отметках -21-24,5 м абс. приходился примерно на интервал 1500–1200 гг. до н.э. ...В Приморском Дагестане в связи с изменением системы расселения и депопуляцией к сер. III тыс. до н.э. отмечены признаки изменения хозяйственного уклада и этнокультурного облика. Еще раньше претерпел изменения и хозяйственный уклад носителей майкопской культуры в пользу возрастания роли скотоводства. Безусловное знакомство с колесным транспортом, которое, видимо, произошло благодаря контактам с лейлатепинской культурой, и наличие повозок, запряженных быками, принципиально изменило мобильность популяции майкопской культуры, хозяйственный уклад которой всегда в значительной степени был связан с животноводством. В этом контексте следует рассматривать появление на Дагестанской плоскости курганов позднемайкопского или постмайкопского круга. В свою очередь, выделение в Закав-

казье пласта подкурганых погребений, объединенных наличием галечных вымосток и наборами заупокойных даров, находящих иногда прямые соответствия в погребальном инвентаре майкопской культуры Северного Кавказа, позволяет поставить вопрос о первом проникновении носителей курганного обряда в нач. – перв. пол. III тыс. до н.э. в Восточное Закавказье» [24, с. 15].

О проникновении степных племен в Закавказье и об изменениях климата также указывал и Т.И. Ахундов. Так, он отмечает, что «сложение культур – многокомпонентный процесс и культуры Южного Кавказа хорошо это иллюстрируют. Одной из важнейших причин, стимулирующих процесс сложения культур, явилось глобальное изменение геоклиматического порядка, происходившее в это время. То есть, имела место аридизация, сдвинувшая значительные массы носителей этно-культурных традиций и стимулировавшая их активное взаимовлияние и взаимопроникновение.... В начале второй половины III тыс. до н.э. земледельческо-скотоводческая куро-араксская культурная традиция эпохи ранней бронзы претерпевает кризис, сходит с исторической арены, а на занимаемых ею до того территории возникает ряд локально-территориальных культур подвижных скотоводов. В это время происходит значительное этнокультурное давление населения Евразийской степи на юг, в районы древних оседло-земледельческих культур. Одним из основных путей этих проникновений был Кавказский перешеек, через который подвижные скотоводы «хлынули на юг». Кавказ играл своеобразную роль области, накапливающей и трансформирующей этническую и технологическую энергию сопредельных регионов. На южном Кавказе этот период отражают такие этнокультурные образования, как Сачхери, Марткопи, Бедени и культура подкурганых склепов. На востоке Кавказа выделяются гинчинская и великентская культуры, а также абшеронская группа памятников. В процессе сложения каждой из них участвовали различные системы компонентов. Но во всех наличие мощного северного этнокультурного компонента, безусловно» [25, с. 84–85; 26, с. 97–98; 27, с. 231–234].

Недавние исследования, проведенные Н.Е. Рябогиной, И.А. Идрисовым А.В. Борисовым в Горном Дагестане, также подтвердили, что в III – начале II тыс. до н.э. климат становится более теплым и умеренно сухим [45, с. 140–141].

Р.Г. Магомедов считает, что определенный кризис куро-араксской культуры во второй половине III тыс. до н.э. не означает «системный регресс во всех сферах культуры населения, полный откат общества назад, хаотический распад существовавших связей внутри культуры. Разумеется, нельзя отрицать некоторое падение темпов развития раннеземледельческого общества во второй половине III тыс. до н.э., но оно, по-видимому, было растянуто по времени, в особенности на территории Приморского Дагестана» [23, с. 106–107].

Прессинг и инфльтрации подвижно-скотоводческих племен Юго-Восточной Европы были одной из основных причин культурно-исторической трансформации общества раннебронзовой эпохи Северо-Восточного Кавказа. В новых археологических образованиях эпохи средней бронзы равнинно-предгорной зоны Дагестана, Чечни и Ингушетии, в особенности присулакской культуры и значительно менее в великентской культуре, а также в манасской гентальской и утамышской группах памятников, определяющими становятся черты, характерные для степных культур. В первую очередь, среди них следует отметить курганный обряд захоронения, деревянные повозки с колесами в срубках, шнуровые мотивы в орнаментации керамики и металлических изделий, каменные боевые топоры кабардино-пятигорского типа, появление песчаниковых выпрямителей древков стрел, костяных зооантропоморфных пряжек степного типа и т.д., а также галечниковой и древесно-камышовой подстилки в погребальном обряде, посыпка в могилу охры и окрашивание ею погребенных и др. [18, с. 16; 22, с. 69–71; 28, с. 4; 14, с. 50; 20, с. 155–156; 29, с. 44–46; 30, с. 29–31; 31, с. 3–4; 10, с. 49–135; 8, с. 13–38; 27, с. 54–151; 32, с. 167–203]. Отмеченные инновации в культуре местного населения равнинно-предгорной части Дагестана, Чечни и Ингушетии во второй половине III – начале II тыс. до н.э., свидетельствуют о проникновении на эту территорию степных и северокавказских племен, которые привнесли с собой нехарактерные, неизвестные ранее здесь чужеродные культурные традиции.

С этими событиями связано не только изменение вектора культурных связей населения Северо-Восточного Кавказа во второй половине III – начале II тыс. до н.э., но и последовавшее за этим значительное влияние и перемены, которые оказали пришлые, иноэтнические степные племена на материальную и духовную культуру местных племен, на религиозно-

идеологические представления. Все это хорошо иллюстрируют археологические памятники Северо-Восточного Кавказа.

Ряд исследователей (В.Г. Котович, В.М. Котович, М.Г. Гаджиев, В.И. Марковин), до конца 80-х гг. XX века считали, что продвижение степных племен, не затронуло территорию Горного Дагестана.

Археологические исследования, проведенные в Горном Дагестане Ирганайской новоэпохальной археологической экспедицией в 1986–1991 гг. (М.Г. Гаджиев, Р.Г. Магомедов, Г.Д. Атаев) и в 2000–2007 гг. (Г.Д. Атаев) позволили получить новые материалы и свидетельства, документирующие связи местного населения со степными племенами. Здесь впервые на территории Горного Дагестана были выявлены следы их тесных контактов в эпоху средней бронзы, что выразилось в открытии курганного обряда захоронений, в находках керамики со шнуровым орнаментом, костяных фигурных пряжек, каменных боевых топоров кабардино-пятигорского типа, выпрямителей древков стрел [43, с. 39–44; 28, с. 3–4]. Это привело к тому, что на территории Ирганайской котловины сформировался особый локальный вариант гинчинско-гатынкалинской культуры с признаками этнокультурного воздействия степных и северокавказских племен.

Открытие курганного обряда в Ирганайской котловине на территории Горного Дагестана в конце III – начале II тыс. до н.э. Дагестана имеет большое значение не только для изучения местной культуры, но и для выяснения взаимодействий населения горных районов и степных племен. Хотя сейчас нет прямых археологических данных о проникновении степных племен в глубинные высокогорные районы Горного Дагестана, исключать этого нельзя. Учитывая тот факт, что на Мугинском и Чохском могильниках над перекрытиями склепов обнаружены каменно-земляные насыпи (высотой 0,5–1,0 м) и кромлехи [44, с. 44–49], представляется возможным рассматривать их как курганы.

Все эти перечисленные факты позволяют допустить, что степные племена могли проникать далеко в горные районы. Не исключено, что часть местного населения была оттеснена в высокогорную зону, что могло повлечь переход определенных групп через главный Кавказский хребет на территорию Закавказья и перенос свойственных им элементов материальной культуры. Об этом, возможно, свидетельствуют находки керамики с обмазанной поверхностью, характерной для гинчинско-гатынкалинской культуры на территории Восточной Грузии, на поселениях Илто и Цихиагора (слой уровня А) [33, с. 54; 34, с. 79], а также в Азербайджане [25, с. 86; 26, с. 97–98; 27, с. 231–233].

Эти факты являются свидетельством культурного влияния Северо-Восточного Кавказа. Об этом говорят некоторые орнаменты и способы отделки сосудов, а также отдельные формы сосудов. Так, в Азербайджане, в ряде памятников и, в частности, в комплексах Кюдурлинского кургана № 13, обнаружена керамика гинчинско-гатынкалинской культуры [27, с. 233]. Кроме того, в Азербайджане найдены сосуды со шнуровым орнаментом, характерные для присулакской культуры.

Все эти данные свидетельствуют, что культурно-исторические процессы, происходившие на Северо-Восточном Кавказе в конце эпохи ранней бронзы, привели к значительным этнокультурным сдвигам. Как считают исследователи (Р.М. Мунчаев, М.Г. Гаджиев, В.И. Марковин), они не являются узколокальными, а отражают общие закономерности исторического развития оседло-земледельческих обществ на северной окраине раннеземледельческой ойкумены. Аналогичного характера события происходили в ту эпоху на Балканах и в Подунавье [35, с. 238–239; 22, с. 70–71].

На Северном Кавказе высокоразвитая майкопско-новосвободненская общность раннебронзового времени сменилась памятниками северокавказской культурно-исторической общности эпохи средней бронзы. Культурная трансформация, которая произошла на Северном Кавказе, на рубеже эпох ранней и средней бронзы отмечена упадком и регрессом в развитии северокавказского общества. По мнению О.М. Джапаридзе, по-видимому, такие же процессы происходили и в Закавказье, где также закат куро-араксской культуры повлек за собой культурное переоформление региона [36, с. 23–28]. Исследователи это связывают с этнокультурным прессингом подвижного населения степей Юго-Восточной Европы, группы которого могли проникнуть через территорию Северного Кавказа в Закавказье. Керамический материал и изделия из металла беденских памятников очень близки к куро-аракским, однако, погребальный обряд имеет сходство со степными культурами конца эпохи ранней и начала эпо-

хи средней бронзы (курганы, захоронения с повозками). Некоторые исследователи, в частности А.Н. Гей, полагают, что в конце III тыс. до н.э. часть степного населения проникла через перевалы и по другим путям в Закавказье, где смешалась с поздними куро-аракскими племенами. Комплексное сходство погребального обряда новотиторовской культуры (НТ) Прикубанья и беденской культуры в Грузии позволяет считать, что «именно часть носителей НТ культуры или некоего очень близкого ей образования в районе XXIV–XXII вв. до н. э. могла перейти Главный Кавказский хребет и сыграть роль внешнего фактора в генезисе культуры ранних курганов» [37, с. 208–209].

В.И. Марковин скептически относился к точке зрения А.Н. Гея, указывая, что «вряд ли повозки в Утамыше, как и в самом регионе триалетской и алазано-беденской культур, могли появиться под воздействием носителей памятников новотиторовского облика Приазовья» [38, с. 129]. С другой стороны он считает, что находки сосудов беденской культуры и некоторых предметов из металла в памятниках Дагестана свидетельствуют о возможности контактов с племенами Закавказья.

На сходные элементы культуры, в частности керамики Грузии и Дагестана, обращали внимание Г.Ф. Гобеджишвили [39, с. 136–137], Ш.Ш. Дедабришвили [40, с. 54] и др. Так, в 1981 г. Г.Ф. Гобеджишвили, говоря о межплеменных связях, указывал, что этим объясняется явный параллелизм в погребальном обряде и инвентаре беденских курганов с другими областями. В беденских курганах засвидетельствованы погребальный обряд, вещи и орнаментальные мотивы, характерные для майкопской, северокавказской и дагестанской культур III–II тыс. до н.э. [39, с. 137].

В результате проникновения с севера степных племен произошло изменение культуры сначала в Северном Дагестане, в зоне стыка степей и гор. И несколько позднее в южных районах Приморского Дагестана. Северные районы все теснее включаются в орбиту связей со степными и северокавказскими областями. В предгорных районах Северного Дагестана в эпоху средней бронзы была распространена присулакская культура. Здесь выявлены подкурганые погребения в каменных гробницах, грунтовых ямах и каменных ящиках; [17, с. 50–51; 18, с. 7–18; 22, с. 69–71; 20, с. 154–156; 41, с. 31–77; 42, с. 66–68]. Указанная культура обладает специфическими чертами, которые совершенно не характерны для памятников Горного, центральной и южной части Приморского Дагестана. Специфика материальной культуры данной группы памятников проявляется в ее синкретическом характере.

Серьезные изменения в культуре населения бассейна реки Сулак характеризуются, прежде всего, тем, что здесь получили развитие те черты степного и северокавказского происхождения, которые раньше являлись чуждыми и второстепенными элементами культуры. В погребальном обряде и инвентаре присулакских памятников сочетаются признаки, свойственные с одной стороны для культуры местного населения рассматриваемого времени, с другой стороны – явно привнесенные элементы: оставление в могиле краски – охры и посыпка ею покойника. Данная культура, представляет собой своеобразный симбиоз двух различных культур [17, с. 50–51; 18, с. 16].

Это свидетельствует не только о тесных связях населения Северного Дагестана с племенами Юго-Восточной Европы, но и о проникновении последних на эту территорию. С этим связано оставление долговременных поселений – Сигитминского и Чиркейского, вследствие чего здесь произошло изменение облика местной культуры, за счет внедрения пришлых иноэтнических элементов возникла этническая пестрота, увеличилась подвижность населения, появился курганный обряд погребения. Все это позволяет утверждать, что отмеченные находки, в частности, каменные боевые полированные топоры и песчаниковые выпрямители древков стрел, костяные зооантропоморфные фигурные пряжки, керамика и металлические изделия со шнуровой орнаментацией, по-видимому, могли появиться здесь в результате инфильтрации с севера степных и северокавказских племен. Обитатели вышеназванных поселений вынуждены были внезапно забросить свои поселения [17, с. 50; 18, с. 16–17].

Поселения ранних этапов эпохи средней бронзы на этой территории не обнаружены. Зато поражает огромное количество курганов, открытых в этом сравнительно небольшом регионе. Здесь их найдено свыше 1300. Присулакская культура представляет собой образование, основанное на подвижном скотоводстве, в составе населения были как пришлые степные племена, так и местные, перешедшие к подвижно-скотоводческому типу хозяйства. Значительная часть населения, и пришлого и местного, скорее всего, ушла. Одна часть распространилась на юг в

район Манаскента и дальше на территорию великентской культуры в приморскую часть Южного Дагестана и в Азербайджан. В результате чего великентская культура со временем затухает. Другая часть населения могла проникнуть в горы в район Ирганайской котловины и далее продолжить свое проникновение в горы.

Таким образом, можно констатировать сложный характер этнокультурного развития населения Северо-Восточного Кавказа. Об этом свидетельствует также большое разнообразие погребальных сооружений и погребальных обрядов. На данной территории в эпоху средней бронзы известны подкурганые захоронения в каменных гробницах и грунтовых ямах (Миатли, Чиркей, Гертма, Саласу, Манаскент), подкурганые захоронения в срубках с деревянными саркофагами на повозках (Утамыш); подкурганые захоронения в гробницах с деревянными саркофагами («Гентал» в Буйнакске); подкурганное захоронение в кибитке (Кафыр-Кумух); подкурганые захоронения в катакомбах, грунтовых ямах и каменных гробницах (Манас, Ярти-Тюбе); подкурганые захоронения в грунтовых ямах и катакомбах (Дербент, Дешлагар); подкурганые захоронения в каменных ящиках (Тарки, Кяхулай); бескурганые захоронения в катакомбах на холме (Великент). Многообразие погребальных обычаев свидетельствует об этнокультурной пестроте населения Северо-Восточного Кавказа. Наряду с природно-климатическими и экономическими причинами одной из главных причин культурной трансформации является постоянно усиливающееся давление степных скотоводческих племен на оседло-земледельческие центры и их инфильтрация на территорию Северо-Восточного Кавказа. Эти процессы не стоит рассматривать как единовременное проникновение.

Как представляется, примерно в конце III – нач. II тыс. до н.э. носители присулакской культуры проникли в центральную часть Приморского Дагестана на территорию манасской группы памятников, где были распространены памятники типа манасских катакомб (станция Манас, Дешлагар (современное сел. Сергокала), в которых встречались также и захоронения в ямах и гробницах. В этом районе появляются памятники присулакской культуры – Манаскент, Зеленоморск, Ярти-тубе, Урцеки-2. Носители присулакской культуры начинают постепенно пресинговать и углубляться на территорию великентской культуры, свидетельством чего является появление на этой территории погребальных конструкций смешанного типа, сочетающих элементы гробниц и каменных ящиков с представленными в их погребальном инвентаре круглодонными сосудами и двуручными сосудами с выпуклым туловом и горлом в виде раструба, типичными для культуры ранних этапов эпохи средней бронзы (Мамайкутан) и каменных ящиков инвентарем, характерным для эпохи средней бронзы (круглодонные сосуды и сосуды с выпуклым туловом и раструбным горлом) (Каякент и др.). В результате давления носителей присулакской культуры, по-видимому, происходит затухание великентской культуры и утамышской группы памятников. На этой территории уже отсутствуют погребальные конструкции типа великентских катакомб и подкурганые захоронения в срубках с деревянными саркофагами на повозках (Утамыш), но зато повсеместно начинают появляться захоронения в каменных ящиках с индивидуальными или парными захоронениями (Берикей, Каякент, Маджалис, Мамайкутан и др.) и с инвентарем, типичным для новой каякентско-хорочоевской культуры.

Пришлое степное и северокавказское население сыграло значительную роль в этнокультурных процессах, происходивших на территории Северо-Восточного Кавказа. Но впоследствии, примерно около середины II тыс. до н.э. этнокультурные различия между отдельными группами населения исчезают в результате ассимиляции пришлых племен с местным населением. Это прослеживается в появлении смешанных, промежуточных погребальных сооружений, сочетающих элементы гробниц и каменных ящиков, с представленными в их погребальном инвентаре круглодонными сосудами и двуручными сосудами с выпуклым туловом и горлом в виде раструба, типичными для культуры ранних этапов эпохи средней бронзы. Примерно во второй четверти II тыс. до н.э. начинает формироваться каякентско-хорочоевская культура. В ее сложении, наряду с другими культурами, большую роль сыграла присулакская культура, в которой присутствовал значительный степной компонент, что не могло не наложить большого отпечатка на ее культурный облик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Крупнов Е.И., Мерперт Н.Я.* Курганы у ст. Мекенской // Древности Чечено-Ингушетии. М.: Изд-во АН СССР. 1963. С. 9–4.
2. *Гаджиев М.Г.* Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа: (эпохи энеолита и ранней бронзы). М.: Наука, 1991. – 274 с.
3. *Мерперт Н.Я.* О племенных союзах древнейших скотоводов степей Восточной Европы // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 55–63.
4. *Русов А.А.* Отчет о летних и осенних археологических работах в Южном Дагестане // Труды предварительных комитетов. V археологический съезд. М., 1882. С. 545–548.
5. *Магомедов Р.Г.* К вопросу о юго-восточной границе распространения майкопской культуры // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы: Тезисы докладов Международного симпозиума. Л., 1991. С. 15.
6. *Котович В.М.* Курган Торпах-кала // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985. С. 59–80.
7. *Котович В.М.* Мискинбулакский могильник // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. МАД. Т. 8. Махачкала, 1978. С. 94–96.
8. *Магомедов Р.Г.* О комплексах майкопской культуры на территории Дагестана // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала, 1991. С. 13–38.
9. *Магомедов Р.Г.* Об одной группе археологических комплексов эпохи ранней бронзы Дагестана // XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. Орджоникидзе, 1986. С. 34–35.
10. *Марковин В.И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы: (II тыс. до н.э.) // МИА. № 93. М.: Изд-во АН СССР. 1960. 150 с. С. 49–135.
11. *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века: неолит, энеолит, ранняя бронза. М. 1975. – 416 с.
12. *Мунчаев Р.М.* Куро-аракская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 8–57.
13. *Мунчаев Р.М.* Катакомбная культура и Северо-Восточный Кавказ // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 92–96.
14. *Мунчаев Р.М.* Погребальные комплексы с сосудами на ножках из Бамутских курганов эпохи бронзы // Новое в археологии Северного Кавказа М.: Наука, 1986. С. 27–39.
15. *Бурков С.Б.* Подкурганые погребения эпохи бронзы из Ачхой-Мартановского района ЧИАССР // Вестник Академии Наук Чеченской республики. Гуманитарные науки. Грозный, 2008. Т. 2. № 2. С. 64–71.
16. *Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф.* Памятники эпохи бронзы в Дагестане: (Курганная группа у станции Манас) // СА. Вып. XXVI. 1956. С. 167–203.
17. *Канивец В.И.* Миатли – новый памятник бронзового века в Северном Дагестане // МАД. Т. I. Махачкала, 1959. С. 31–59.
18. *Гаджиев М.Г.* Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы // Древности Дагестана. МАД. Т. 5. Махачкала, 1974. С. 11–28.
19. *Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М.* Утамышские курганы // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 43–61.
20. *Атаев Г.Д.* Чиркейские курганы бронзового века // СА. № 1. 1987. С. 145–157.
21. *Магомедов Р.Г.* Гинчинская культура: Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. Махачкала. 1998. – 379 с.
22. *Гаджиев М.Г.* Северный Дагестан на стыке культур эпохи палеометалла Кавказа и Юго-Восточной Европы // Кавказ и степной мир в древности и средние века: Материалы международной конференции. Махачкала, 2000. С. 64–72.
23. *Магомедов Р.Г.* Материалы к изучению культур эпохи бронзы в Приморском Дагестане. Махачкала, 2000. – 120 с.
24. *Амиров Ш.Н.* Месопотамско-кавказские связи IV–III тыс. до н.э. в свете климатических флуктуаций // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала: Мавраевъ., 2012. С. 13–15.
25. *Ахундов Т.И.* Древнейшие курганы южного Кавказа: Культура подкурганых склепов. Баку, 1999. С. 84–85.
26. *Ахундов Т.И.* О ранних подкурганых погребениях Северо-Западного Азербайджана // Кавказ и Древний Восток. Махачкала, 1999. С. 97–98.
27. *Ахундов Т.И.* Северо-Западный Азербайджан в эпоху энеолита и бронзы. Баку, 2001. – 332 с.
28. *Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г.* Новые данные о культурных связях населения степей и гор в бронзовом веке // Тезисы докладов научной сессии, посвященных итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1986–1987 гг. Махачкала, 1988. С. 3
29. *Атаев Г.Д.* Керамика со шнуровым орнаментом из присулакских памятников эпохи бронзы // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала, 1991. С. 39–48.
30. *Атаев Г.Д.* Связи населения Северо-Восточного Кавказа со степными племенами в эпоху средней и поздней бронзы // Археологическая конференция Кавказа II. Кавказ и степной мир в древности и в средние века. Материалы международной научной конференции. Махачкала, 1999. С. 29–31.
31. *Атаев Г.Д.* К изучению этнокультурной истории горного Дагестана в эпоху средней бронзы // Тезисы докладов Конференции молодых ученых. Махачкала, 1995. С. 3–4.

32. Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М. Бельтинский могильник эпохи бронзы (материалы раскопок 1978, 1980 гг.) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 167–203.
33. Дедабришвили Ш.Ш. Курганы Алазанской долины // Труды Кахетской археологической экспедиции. Вып. II. Тбилиси, 1979. С. 67.
34. Махарадзе З.Э. Поселение куро-аракской культуры Цихиагора. Тбилиси, 1994.
35. Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа: (эпохи энеолита и ранней бронзы). М.: Наука, 1991. – 274 с.
36. Джапаридзе О.М. К этнической истории грузинских племен: По данным археологии. Тбилиси, 1976. (На груз. яз., рез. на рус. яз.). – 358 с.
37. Гей А.Н. Новогиторовская культура. М.: ТОО «Старый сад», 2000. – 224 с.
38. Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. М., 2003. – 338 с.
39. Гобеджишвили Г.Ф. Бедени – культура курганных погребений. Тбилиси, 1981.
40. Дедабришвили Ш.Ш. Памятники эпохи ранней и средней бронзы // Труды Кахетской археологической экспедиции (1965–1966 гг.). Вып. 1. Тбилиси, 1969 г. С. 35–75.
41. Магомедов Р.Г. Магистраль в будущее – сохраняя прошлое // Археологические исследования в зоне строительства газопровода-отвода к сел. Ботлих Ботлихского района республики Дагестан. Махачкала, 2007. С. 31–77.
42. Эрлих В.Р., Магомедов Р.Г. Курган – святилище эпохи бронзы в Приморском Дагестане // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Грозный, 2016. С. 66–68.
43. Атаев Г.Д. О связях населения горного Дагестана со степными племенами в эпоху средней бронзы // Известия Вузов. Северо-Кавказский регион Ростов-на-Дону, 2010. № 6. С. 39–44.
44. Мунчаев Р.М. Археологические исследования в Нагорном Дагестане в 1954 г. // КСИИМК. Вып. 71. 1958. С. 44–49.
45. Рябогина Н.Е., Идрисов И.А., Борисов А.В. Динамика климата Горного Дагестана в голоцене // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. / Отв. ред. У.Ю. Кочкаров. Карачаевск, 22–29 апреля 2018. С. 139–142.
46. Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., Кол Филип. О радиоуглеродных датах для памятников бронзового века Дагестана // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа: (XIX Крупновские чтения). М., 1996. С. 49–50.

REFERENCES

1. Krupnov E.I., Merpert N.Y. Burial mounds near the Mekensky station]. *Antiquities of Chechen-Ingushetia=Drevnosti Checheno-Ingushetii*. М.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1963: 9–4.
2. Gadzhiev M.G. *Early farming culture of the North-Eastern Caucasus (Eneolithic and Early Bronze Age) [Rannezemledelcheskaya kultura Severo-Vostochnogo Kavkaza (epohi ehneolita i rannei bronzy)]*. М.: Nauka, 1991: 274.
3. Merpert N.Y. On tribal alliances of the oldest cattle breeders of the Eastern European steppes [O plemennyh soyuzah drevneyshih skotovodov stepey Vostochnoy Evropy]. *Issues of Soviet archeology=[Problemy sovetskoy arheologii]*. М., 1978: 55–63.
4. Rusov A.A. Report on summer and autumn archaeological work in Southern Daghestan [Otchet o letnih i osennih arheologicheskikh rabotah v Yuzhnom Daghestane]. *Proceedings of the preliminary committees. The 5-th archaeological congress. [Trudy predvaritelnyh komitetov. V arheologicheskij s'ezd]*. Moscow, 1882: 545–548.
5. Magomedov R.G. On the issue of the southeastern border of the spread of Maykop culture [K voprosu o yugovostochnoj granitse rasprostraneniya majkopskoj kultury. *Maykop phenomenon in the ancient history of the Caucasus and Eastern Europe: printed abstracts of the International Symposium [Majkopskij fenomen v drevnej istorii Kavkaza i Vostochnoj Evropy. Tezisy dokladov Mezhdunarodnogo simpoziuma]*. Leningrad, 1991: 15.
6. Kotovich V.M. Torpakh-kala mound [Kurgan Torpah-kala]. *Ancient cultures of the North-Eastern Caucasus. [Drevnie kultury Severo-Vostochnogo Kavkaza]*. Makhachkala, 1985: 59–80.
7. Kotovich, V.M. Miskinbulak burial ground [Miskinbulakskij mogilnik]. *Monuments of the Bronze Age and Early Iron Age in Daghestan. [Pamyatniki ehpoi bronzy i rannego zheleza v Daghestane]*. Vol. 8. Makhachkala, 1978: 94–96.
8. Magomedov R.G. On the complexes of Maykop culture in the territory of Daghestan [O kompleksah majkopskoj kultury na territorii Daghestana]. *Mountains and plains of the North-Eastern Caucasus in antiquity and the Middle Ages=[Gory i ravniny Severo-Vostochnogo Kavkaza v drevnosti i srednie veka]*. Makhachkala, 1991: 13–38.
9. Magomedov R.G. On one group of archaeological complexes of the Early Bronze Age of Daghestan [Ob odnoj gruppe arheologicheskikh kompleksov ehpoi rannej bronzy Daghestana]. *XIV Krupnovsky readings on the archeology of the North Caucasus: printed abstracts. [XIV Krupnovskie chteniya po arheologii Severnogo Kavkaza Tezisy doklada]*. Ordzhonikidze, 1986: 34–35.

10. Markovin V.I. Culture of the North Caucasus tribes in the Bronze Age: (II millennium BC) [Kultura plemen Severnogo Kavkaza v epohu bronzy II tys. do nashei ery. *Materials and researches on archeology of the USSR [MIA]*. No. 93. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960: 49–135.
11. Munchaev R.M. *The Caucasus at the dawn of the Bronze Age: Neolithic, Eneolithic, Early Bronze [Kavkaz na zare bronzovogo veka: neolit, eneolit, rannyya bronza]*. M. 1975.– 416 c.
12. Munchaev R.M. Kura-Araxes culture [Kuro-araxskaya kultura]. *Archeology. The bronze age of the Caucasus and Central Asia is the early and average bronze of the Caucasus*=[*Arheologiya. Epoha bronzy Kavkaza i Srednej Azii rannyya i srednyaya bronza Kavkaza*]. M.: Nauka, 1994: 8–57.
13. Munchaev R.M. Catacomb Culture and Northeast Caucasus [Katakombnaya kultura i Severo-Vostochnyj Kavkaz]. *News of Soviet Archeology*=[*Novoe v sovetskoj arheologii*]. M., 1965: 92–96.
14. Munchaev P.M. Burial complexes with vessels on stems from the Bamut burial mounds of the Bronze Age [Pogrebalnye komplekxy s sosudami na nozhkah iz Bamutskih kurganov epohi bronzy]. *News of Archeology of the North-Caucasus*=[*Novoe v arheologii Severnogo Kavkaza*]. Nauka, 1986: 27–39.
15. Burkov S.B. Ancient mound burials of the Bronze Age from the Achkhoy-Martan district of the Chechen-Ingush ASSR [Podkurgannye pogrebeniya epohi bronzy iz Achkhoy-Martanovskogo rajona]. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic. Humanitarian sciences*=[*Vestnik Akademii Nauk Chechenskoj respubliki. Gumanitarnye nauki*]. Grozny, 2008. Vol. 2. № 2: 64–71.
16. Munchaev R.M., Smirnov K.F. Monuments of the Bronze Age in Daghestan: (Mound group at Manas station) [Pamyatniki epohi bronzy v Daghestane: Kurgannaya gruppa u stantsii Manas]. *Soviet archaeology*. Issue XXVI. 1956: 167–203.
17. Kanivets V.I. Miatli – a new monument of the Bronze Age in Northern Daghestan [Miatli – novyj pamyatnik bronzovogo veka v Severnom Daghestane]. *Materials on archeology of the Daghestan*. Vol. I. Makhachkala, 1959: 31–59.
18. Gadzhiev M.G. Daghestan and Southeastern Chechnya in the Middle Bronze Age. Antiquities of Daghestan [Daghestan i Yugo-Vostochnaya Chechnya v epohu srednej bronzy. Drevnosti Daghestana]. *Materials and researches on archeology of the USSR [MIA]*. Vol. 5. Makhachkala, 1974: 11–28.
19. Kotovich V.G., Kotovich V.M., Magomedov S.M. Utamysh burial mounds [Utamyshskie kurgany]. *Northern Caucasus in antiquity and in the Middle Ages [Severnyj Kavkaz v drevnosti i v srednie veka]*. M., 1980: 43–61.
20. Atayev G.D. Chirkey burial mounds of the Bronze Age [Chirkejskie kurgany bronzovogo veka] In *Soviet archaeology*. No. 1. 1987: 145–157.
21. Magomedov R.G. *The Ginchi culture: mountains of Daghestan and Chechnya in the Middle Bronze age [Ginchinskaya kultura. Gory Daghestana i Chechni v epohu srednej bronzy]*. Makhachkala. 1998: 379.
22. Gadzhiev M.G. Northern Daghestan at the interface of Paleometal Age Cultures in the Caucasus and South-Eastern Europe [Severnyj Daghestan na styke kultur epohi paleometalla Kavkaza i Yugo-Vostochnoj Evropy]. *The Caucasus and the Steppe World in Antiquity and Middle Ages: Proceedings of the International Conference*=[*Kavkaz i stepnoj mir v drevnosti i srednie veka. Materialy mezhdunarodnoj konferentsii*]. Makhachkala, 2000: 64–72.
23. Magomedov R.G. *Materials for studying the cultures of the Bronze Age in Maritime Daghestan [Materialy k izucheniyu kultur epohi bronzy v Primorskom Daghestane]*. Makhachkala. 2000: 120.
24. Amirov S.N. Mesopotamia-Caucasus relations of the IV–III millennia BC in the light of climatic fluctuations [Mesopotamsko-kavkazskie svyazi IV-III tys. do n.e. v svete klimaticheskikh fluktuatsij]. *The latest discoveries of archeology of the North Caucasus: studies and interpretations. XXVII Krupnovsky readings. Proceedings of the International Scientific Conference*=[*Novejschie otkrytiya v arheologii Severnogo Kavkaza. Issledovaniya i interpretatsii. XXVII Krupnovskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii*]. Makhachkala: Mavraev, 2012: 13–15.
25. Akhundov T.I. *The oldest mounds of the Southern Caucasus: culture of the mound tombs [Drevnejshie kurgany yuzhnogo Kavkaza Kultura podkurgannyh sklepov]*. Baku, 1999: 84–85.
26. Akhundov T.I. On early burials of North-Western Azerbaijan [O rannih podkurgannyh pogrebeniyah Severo-Zapadnogo Azerbajdzhana. *Caucasus and the Ancient East*=*Kavkaz i Drevnij Vostok*]. Makhachkala, 1999: 97–98.
27. Akhundov T.I. *North-Western Azerbaijan in the era of the Eneolithic and Bronze Age [Severo-Zapadnyj Azerbajdzhan v epohu eneolita i bronzy]*. Baku, 2001: 332.
28. Gadzhiev M.G., Magomedov R.G. New data on the cultural connections of the peoples of steppes and mountains in the Bronze Age [Novye dannye o kulturnyh svyazyah naseleniya stepej i gor v bronzovom veke]. *Abstracts of the scientific session devoted to the results of the expeditionary research of the Institute of History, Language and Literature in 1986-1987*=[*Tezisy dokladov nauchnoj sessii posvyaschennyh itogam ekspeditsionnyh issledovanij Instituta IYAL v 1986-1987 gg.*]. Makhachkala, 1988: 3.
29. Ataev G.D. Ceramics with knot ornamentation from the inherent monuments of the Bronze Age [Keramika so shnurovym ornamentom iz prisulakskih pamyatnikov epohi bronzy]. *Mountains and plains of the North-Eastern Caucasus in ancient and Middle Ages*=[*Gory i ravniny Severo-Vostochnogo Kavkaza v drevnosti i srednie veka*]. Makhachkala, 1991: 39–48.
30. Ataev G.D. Contacts of the population of mountainous Daghestan with steppe tribes in the Middle Bronze Age [Svyazi naseleniya Severo-Vostochnogo Kavkaza so stepnymi plemenami v epohu srednej i pozdnej Bronzy]. *Archaeological conference of the Caucasus, II. Caucasus and steppe world in ancient times and in the middle ages. Materials of the international scientific conference [Arkheologicheskaya konferentsiya Kavkaza II. Kavkaz i stepnoi mir v drevnosti i v srednie veka. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii]*. Makhachkala, 1999: 29–31.

31. Ataev G.D. On the study of ethnocultural history of Mountainous Daghestan in the Middle Bronze Age [K izucheniyu etnokul'turnoi istorii gornogo Daghestana v epokhu srednei bronzy]. *Abstracts of the Conference of young scientists of the Institute of History, Archaeology and Ethnography [Tezisy dokladov Konferentsii molodykh uchennykh]*. Makhachkala, 1995: 3–4.
32. Vinogradov V.B., Hashegulgov B.M. Beltinsky burial ground of the Bronze Age (excavation material of 1978, 1980) [Beltinskij mogilnik epohi bronzy (materialy raskopok 1978–1980 gg.)]. *Funerary rituals of the ancient and medieval population of the North Caucasus=[Pogrebalnyj obryad drevnego i srednevekovogo naseleniya Severnogo Kavkaza]*. Ordzhonikidze, 1988: 167–203.
33. Dedabrishvili S.S. Mounds of the Alazani Valley [Kurgany Alazanskoj doliny]. *Proceedings of the Kakhetian Archaeological Expedition [Trudy Kahetskoj arheologicheskoy ekspeditsii]*. Issue II. Tbilisi, 1979: 67.
34. Makharadze Z.E. Settlement of the Kura-Araxes culture of Tsikhiagora [Poselenie kuro-arakskoj kultury Tsihiagora]. Tbilisi, 1994.
35. Gadzhiev M.G. *Early agricultural culture in the Northeast Caucasus: (Eneolithic and Early Bronze Age) [Rannezemledel'cheskaya kul'tura Severo-Vostochnogo Kavkaza: (epokhi eneolita i rannei bronzy)]*. M.: Nauka, 1981. 274 p.
36. Dzhaparidze O.M. *To the ethnic history of the Georgian tribes: according to archeology [K etnicheskoy istorii gruzinskih plemen: po dannym arheologii]*. Tbilisi, 1976. (In Georgian and Russian).
37. Gay A.N. *Novotitovskiy culture [Novotitorovskaya kultura]*. M.: LLP "Stary sad", 2000: 224.
38. Markovin V.I., Munchayev R.M. *The North Caucasus. Essays on ancient and medieval history and culture [Severnyj Kavkaz. Ocherki drevnej i srednevekovoy istorii i kultury]*. M., 2003: 129.
39. Gobedzhishvili G.F. *Bedeni - the culture of burial mounds [Bedeni – kultura kurgannyh pogrebenij]*. Tbilisi, 1981.
40. Dedabrishvili S.S. Monuments of the early and middle bronze age [Pamyatniki epokhi rannei i srednei bronzy]. *Proceedings of the Kakhetian Archaeological Expedition [Trudy Kahetskoj arheologicheskoy ekspeditsii]*. (1965-1966 gg.). Vol. 1. Tbilisi, 1969: 35–75.
41. Magomedov R.G. Backbone to the future - preserving the past [Magistral v budushee - sohranyaya proshloe]. *Archaeological research in the construction of a gas pipeline-branch to the Botlikh village of Botlikhskiy district of Daghestan [Arheologicheskie issledovaniya v zone stroitelstva gazoprovoda-otvoda k sel. Botlikh Botlikhskogo rajona respubliki Daghestan]*. Makhachkala, 2007: 31–77.
42. Erlich V.R., Magomedov R.G. Kurgan-sanctuary of the Bronze Age in Primorsky Daghestan [Kurgan-svyatilische epohi bronzy v Primorskom Daghestane. Izuchenie i sohranenie arheologicheskogo naslediya narodov Kavkaza]. *Study and preservation of the archaeological heritage of the peoples of the Caucasus. XXIX Krupnovskiy readings. Proceedings of the International Scientific Conference*. Grozny, 2016: 66–68.
43. Ataev G.D. To the ties of the population of mountainous Daghestan with steppe tribes in the epoch of medium bronze [O svyazyah naseleniya gornogo Daghestana so stepnymi plemenami v epokhu srednei bronzy]. *Izvestia Vuzov. The North-Caucasian region*. № 6. Rostov-on-Don. 2010: 39–44.
44. Munchaev R.M. Archaeological research in the mountainous Daghestan in 1954 [Arheologicheskie issledovaniya v nagornom Daghestane v 1954 g.]. *Brief Communications On The Reports And Field Materials Of The Institute Of Material Culture*. Issue 71, 1958: 44–49.
45. Ryabogina N.E., Idrisov I.A., Borisov A.V. Climate dynamics of Mountainous Daghestan in Holocene [Dinamika klimata Gornogo Daghestana v golotsene]. *The Caucasus in the system of cultural relations of Eurasia in ancient times and the Middle Ages. XXX Krupnovskiy readings in archeology. Proceedings of the scientific conference [Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazei Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. XXX «Krupnovskie chteniya» po arkheologii Severnogo Kavkaza]*/ Ed. U.Y. Kochkarov. Karachayevsk, 22–29 of April, 2018: 139–142.
46. Gadzhiev M. G., Magomedov R. G., Count Philip. About radiocarbon dates for monuments of the bronze age of Daghestan [O radiouglerodnykh datakh dlya pamyatnikov bronzovogo veka Daghestana]. *Actual problems of archeology of the North Caucasus: (XIX "Krupnov readings") [Aktual'nye problemy arkheologii Severnogo Kavkaza: (XIX «Krupnovskie chteniya»]*. M., 1996: 49–50.

Статья поступила в редакцию 07.09.2018 г.